

Философия постмодернизма: опыт популярного изложения

© М.М. Догужиева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье представлена общая характеристика постмодернистской философии, содержащая ее основные идеи и понятия (такие, как деконструкция, симулякр, мета-наррация, различение, шизоанализ, гипертекст, интертекстуальность, смерть автора, номадизм, ризома). Также в ней обосновывается многоаспектная связь постмодернизма с современными информационными технологиями и очерчиваются контуры возможного будущего постмодернистского «проекта» в России и в мире.

Ключевые слова: *деконструкция, гипертекст, Интернет, интертекстуальность, нарративность, номадизм, различение, ризома, симулякр, смерть автора.*

Постмодернизм — последнее на сегодня достижение 2,5-тысячелетней западной философии, впитавшее в себя всю предыдущую философскую традицию и неразрывно с нею связанное. Постмодернистская философия стала многомерным теоретическим отражением колоссального духовного переворота в самосознании западной цивилизации. Этот новый, постнеклассический тип философствования начал распространяться в 60-е годы XX века, когда со всей очевидностью обнаружилось тупики цивилизационного пути Запада (опасность ядерного самоуничтожения, экологический кризис, диктат технологий и т. д.) Шестидесятые годы стали временем социальных потрясений и многочисленных «революций» — религиозной, молодежной, сексуальной, психоделической и т. д., временем становления духовного конгломерата, получившего название контркультуры. Разочарование Запада в самом себе, попытки осмысления наступающей новой эпохи, для которой не случайно даже название давалось лишь в отталкивании от предшествующей, — «постиндустриальная» (Д. Белл) — и породили волну разнообразнейших философских концепций, *post factum* объединенных таким же характерным названием «постмодернизм».

Новые философы постарались радикально отмежеваться от парадигм как классической, так и неклассической философии, хотя именно последней — в лице Ницше, Витгенштейна, Фрейда, Хайдеггера и др. — они были обязаны множеством продуктивных идей. Различные постмодернистские «проекты» — текстологический (Р. Барт, Ж. Деррида), шизоаналитический (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), нарратологический (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар), симуляционный (Ж. Бодрийяр,

Ж. Батай) и многие другие — осуществляли всестороннюю ДЕКОНСТРУКЦИЮ (термин Ж. Дерриды) — т. е. разрушение философской традиции с одновременным ее переосмыслением¹. Ж.-Ф. Лиотар недаром сравнивал постмодернистскую аналитику с психоаналитической проработкой пережитого в виде использования сновидений, алогичной игры свободных ассоциаций и т. п.: по его мнению, если западная цивилизация не «перерабатывает» свой негативный опыт, она обречена на повторение «современного невроза», на углубление собственных проблем, которые — в условиях неизбежной глобализации — постиндустриальные страны распространяют на весь остальной мир.

Основные идеи и понятия. Критики постмодернизма обрушиваются на него как на «циничную философию», которая смеет отрицать наличие не только Бога, но и истины, этики и даже самой объективной реальности! [см., напр., 4] Действительно, общей философской основой постмодернизма стала трактовка человеческой реальности как знаково-информационного «субъект-субъектного» пространства, не соотносимого ни с какой «объективной реальностью» (которая сама по себе рассматривается лишь как одна из языковых конструкций). Мир человека — это мир языка, который стал главным предметом философского интереса в XX веке. Отсутствие объективной реальности как оригинала, с которым соотносится наше знание, означает и отсутствие в наших знаниях и представлениях независимой от воли субъекта «абсолютной истины» как соответствия оригиналу. Эти идеи, восходящие к скептицизму и агностицизму, перестали быть достоянием экстравагантных одиночек и превратились в массовую философскую моду, стали выразителями общего умонастроения.

Человек обнаруживает, что живет в мире «копий» без оригиналов и «имитаций» без подлинных образцов: эти образы и подобию (полатыни — симулякры), создаваемые самими людьми, и есть их «настоящая реальность». Ж. Бодрийяр, использующий термин «симулякр», призывал не путать его с банальным «искажением», «симуляцией»: «СИМУЛЯКР — это вовсе не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина» [1]². Производство

---

¹ Деконструкция — это именно сочетание деструктивности и конструктивности, хотя последнее обычно не замечается противниками постмодернизма: по шутливому замечанию В. Пелевина (в «Диалектике Переходного Периода (из ниоткуда в никуда)», Деррида просто перевел на французский язык русское слово «разборка»... [5].

² Высмеивая, по своему обыкновению, постмодернистскую терминологию, В. Пелевин в упомянутом выше романе изложил это так: «Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла».

знаков-символов в ходе истории нарастает экспоненциально — информация становится главным ресурсом общественного развития. Если при этом считается, что «реальность», которую отражают знаки-символы, не существует как таковая, то само противопоставление знака и реальности, означающего и означаемого, простой видимости и скрытого смысла, поверхности и глубины и т. п. лишено основания. Соответственно лишены основания и любые иерархически организованные системы-вертикали, в европейской (и не только) культуре базирующиеся на бинарных оппозициях (материальное-идеальное, истина-ложь, добро-зло и т. д.), которым постмодернизм объявил настоящую войну.

Исчезновение «объективной реальности» окончательно замыкает реальность на языке, который оказывается подлинным «домом бытия» (М. Хайдеггер). На языке рассказываются «великие истории» (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара — МЕТА-НАРАЦИИ: от лат. слова *narratio* — повествование), сообщающие нам о мире с позиций науки, религии, искусства и т. д., каждая из которых претендует на истинное знание о бытии. Ж.-Ф. Лиотар рассматривал все эти истории как абсолютно равноправные — как просто словесное выражение принятого в той или иной социокультурной традиции типа рациональности. Он призывал относиться к ним с одинаковым недоверием и не бояться расщеплять их на более мелкие локальные «истории-рассказы». По сути, реальность предстает в виде истории, которую мы сами себе рассказываем (уже Шекспир в «Макбете» писал, что «жизнь — это история, рассказанная идиотом»...). Истории сменялись во времени — вначале их творили в виде мифов, затем их автором стала церковь, а последние три века самой надежной версией мира кажется история, рассказываемая наукой. Но постмодернизм отказывается признать за наукой монополию на истину, что вызывает резкую реакцию представителей научного сообщества, не желающих уравниваться в правах с мифологией, мистикой и иррационализмом, которые все больше заполняют пространство общественного сознания.

Искусственность, иллюзорность, многослойная неподлинность нашей повседневности — и экономической, и политической, и социальной, и культурной, — многократно умножаемая средствами массовой информации, предстала в постмодернизме как вполне естественное для *Homo sapiens* состояние. При этом подверглась переосмыслению и сама характеристика «разумности» человека: разум, тысячелетиями считавшийся главным средством постижения «истины», был низвергнут со своих высот до одного из возможных средств языковой артикуляции человеческого «жизненного мира». Кроме того, потерпела крушение сама идея универсальной рациональности с ее претензией на

всеобщность и общезначимость интеллектуальных построений. Было обосновано существование множества социально-исторически обусловленных «разумов» — и единый «трансцендентальный субъект», от имени которого выступала европейская философия, оказался не более чем состоятельным европейским мужчиной средних лет, рационализация предубеждений которого есть лишь один из возможных вариантов философского дискурса.

Более того, веру в наличие единого, задающего общую норму Разума постмодернисты прямо связали с политической репрессивностью — со страшными тоталитарными диктатурами XX века (хотя уже И. Кант сравнивал единую метафизику с «полицейской системой»!). М. Фуко, последовательно переходя от «археологии знания» к «генеалогии власти», убедительно продемонстрировал как социальную обусловленность познания, так и знаково-символическую природу репрессивной власти.

Борьба с бесчисленными «властными вертикалями» и «центризмами» (фоно-, этно-, тео-, лого-, фалло- и т. д.) велась в защиту многообразия, против подавления или игнорирования «иного», Другого, за примат «РАЗЛИЧЕНИЯ» (*differance* — знаменитый термин, сконструированный Ж. Деррида) над тождеством: деконструкция стала методом выявления различий и наращивания разнообразия. Утверждая равноправие всех позиций, стилей и ориентаций во всех сферах существования человека (по знаменитому выражению П. Фейерабенда, *anything goes* — годится всё!), постмодернизм объявил об отсутствии каких бы то ни было заданных субъекту извне критериев выбора между ними, об отсутствии самих по себе существующих правил, иерархии и порядка. Все они оказываются изобретениями самого человека — и потому могут быть им же и отвергнуты¹. Американский философ XX века Ф. Джеймисон, считая, что постмодернистский плюрализм, при котором каждая точка зрения достойна уважения, допустим лишь в сфере искусства, замечает с юмором, что его ни в коем случае нельзя пускать в инженерное дело... Возможно, он не пустил бы постмодернистов и в медицину — с учетом того, как использовали постмодернистские авторы Ж. Делёз и Ф. Гваттари образы врачей и пациентов в своей концепции ШИЗОАНАЛИЗА. Название ее не может не напоминать

---

¹ В этой связи очень современно звучит забавное высказывание американского писателя XIX века Марка Твена о правописании: «Я жалею того, у кого не хватает фантазии писать слово то так, то этак» (словно он предвидел нынешний разгул «языковых игр» типа компьютерного олбанского языка и языковых «обрубков» смс-ок на фоне неуклонного и повсеместного падения грамотности).

о знаменитом фрейдовском психоанализе — и, действительно, оно было придумано, как и многое другое, в отталкивании от традиций великих предшественников. С точки зрения З. Фрейда, рациональность врача стоит заведомо выше ценностных установок пациента-шизофреника, а с позиций Ф. Гваттари (профессионального психиатра) точка зрения шизофреника (с ее отклонением от общепринятых норм и нарушением установленных границ) есть просто нестандартный ответ на ситуацию, особая ценностная перспектива. Поистине, «наша патология является нашей возможностью»! Потому, признавая равноправие позиций врача-психиатра и пациента, Делёз и Гваттари назвали свой подход шизоанализом. /Разумеется, в этом немалую роль сыграла свойственная всем постмодернистам провокативность.../

В условиях, когда язык становится основой человеческого существования, реальность предстает перед нами в виде некоего текста — Текста с большой буквы, или ГИПЕРТЕКСТА. Ж.Деррида со свойственным ему радикализмом провозгласил: «Нет ничего вне текста»! Расширенное почти беспредельно понятие текста, в котором запечатлена вся культура, создает представление, что понять смысл текста можно лишь через другой текст — и так до бесконечности. Ситуация «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ» (Ю. Кристева) и постоянно разрастающийся «контекст» человеческой деятельности приводят к тому, что было когда-то названо «СМЕРТЬЮ АВТОРА» (Р. Барт), или даже шире — «смертью субъекта»: конкретная личность пропадает в бесконечном информационном лабиринте знаков и смыслов. Перегруженная сложностью культура по видимости уже не порождает ничего нового — кочующие из книги в книгу, из фильма в фильм сюжеты, повторы-ремейки, ремиксы и пронумерованные продолжения-сиквелы являются типичным примером. Кроме того, по бесконечному пространству гипертекста можно бродить в любом направлении — как кочевники-номады бродят по пустыне, где по определению нет никаких проложенных дорог. НОМАДИЗМ (термин Ж. Делёза) — это свободный путь мысли, которая динамична по своей природе и никогда не останавливается. А ощущение того, что в мире гипертекста всё есть и всё уже сказано, усиливается оттого, что действительно всё «новое» оказывается «хорошо забытым старым» — и в культуре торжествуют отсылки и цитаты¹.

---

¹ Есть американский анекдот про студента-филолога, который впервые прочитал шекспировского «Гамлета» и с разочарованием убедился: ничего в этой классике особенного нет — так, собрание расхожих слов и выражений...

Пространство гипертекста не нуждается, по мнению постмодернистов, ни в каком иерархическом упорядочивании. Отталкиваясь от философии структурализма с популярной в ней метафорой дерева (с основным стволом и отходящими от него ветками), «постструктуралисты» Ж. Делёз и Ф. Гваттари предложили принципиально иную метафору — РИЗОМУ: это термин из ботаники, означающий корневую систему, в которой, как в грибнице, нет главного корня. Побеги здесь хаотически переплетаются и разрастаются в разные стороны, непредсказуемые в своем развитии. Так и человеческая мысль «путешествует», пробиваясь в самых неожиданных местах, вне всякого центра, всякой симметрии и всякого порядка, обеспечивая многообразие, гибкость, живучесть и изменчивость жизни в культуре.

В этом бесконечном мире знаков и символов люди провозглашаются подлинными хозяевами. Желания и потребности человека удовлетворяются всё более широко и разнообразно: современное «общество массового потребления» предлагает практически неограниченный ассортимент товаров, среди которых — не только материальные объекты, но и духовные продукты любого содержания и качества (примером чего может служить любой из популярных ныне огромных шоппинг-центров). Главное — осознавать, что сами эти потребности во многом являются, так сказать, «добровольно-принудительными»: реклама и прочие виды «соблазна» (Ж. Бодрийяр) руководят поведением и выбором человека даже эффективнее, чем репрессивное насилие прежних времен (и от этой ловушки постмодернизм предостерегает!).

Еще одним следствием обрушения «культурной вертикали», уравнивания «высокого» и «низкого» становится разрастание именно «низкого» — усиление «горизонтальной» культуры, не требующей от человека никакого интеллектуального, душевного и духовного напряжения. Разнообразный ассортимент материального и духовного мира потребляется массами «новых варваров» без разбора и различий (а ведь тот же Ж.-Ф. Лиотар считал главным тезисом постмодернизма именно необходимость «оттачивать нашу чувствительность к различиям!») — и обслуживает в основном первичные инстинкты человека (размножения, насилия, желания релаксации после рабочего дня и т. п.). Более «продвинутые» люди, пытаясь заполнить пустоту, обнажившуюся с крушением идолов и идеалов, ощущая дискомфорт от осознания открывшейся бессмысленности жизни, усваивают экспериментальное, игровое отношение к ней. Они становятся бездумно плывущими в потоке перемен людьми «в движении» (характерное название российского фильма начала XXI века), слепо следующими за любой интеллектуальной и прочей модой и с легкостью меняющими ее на очередную «новизну».

Постмодернизм и информационные технологии. Наиболее эффективным воплощением постмодернизма на практике стало величайшее изобретение конца XX века — компьютер. А явление Интернета в 90-е годы XX века стало настолько яркой и очевидной реализацией идей постмодернистской философии, что, по мнению многих исследователей, из всех современных философских концепций именно постмодернизм является самым подходящим мировоззрением для информационного общества. Достаточно простого перечисления (причем далеко не полного!): ризома (Ж. Делёз), интертекстуальность (Ю. Кристева), «смерть автора» (Р. Барт), симулякр (Ж. Бодрийяр) — неотъемлемые черты виртуальной реальности Интернета. Киберпространство сети с его разветвленной и многоканальной структурой, отсутствием центра и фиксированных, неизменных маршрутов формирует у человека именно постмодернистское мироощущение с его номадизмом, децентрацией, фрагментарностью — со всеми свойствами «блип-культуры» (О. Тоффлер), дискретный характер которой напрямую связан со спецификой телекоммуникационных электронных технологий. Но, когда справедливо отмечается, что появление и распространение постмодернизма тесно связано с процессом информатизации общества и его культуры, обычно не указывается, что постмодернизм сложился ДО, а не ПОСЛЕ появления в повседневной жизни компьютера и Интернета. В случае с Интернетом мы имеем пример прямого и непосредственного действия предсказательной функции философии. Постмодернизм в XX веке развивался в 60–70 гг. независимо от почти параллельно ведущихся (под эгидой Министерства обороны США) технологических разработок проектов связи информационных ресурсов между собой: долгое время известные лишь профессионалам, эти разработки и легли впоследствии в основу «Всемирной Паутины» Интернета.

По сути, появление Интернета равнозначно изобретению письменности, книгопечатания, телевидения. Все эти великие революции радикально изменяли характер человеческих коммуникаций, создавали новые способы добывания, хранения и передачи информации. И всякий раз появление новых «информационных технологий» воспринималось как разрыв с подлинным, ценным, духовным: люди опасались отрицательных последствий их проникновения в человеческую жизнь. Информационные революции с неизбежностью трансформировали культуру общества, создавая невиданные ранее возможности для ее развития, переводя человеческую цивилизацию на новый, более сложный уровень существования. Но осмысление положительных и отрицательных сторон этих трансформаций происходило уже *post factum*. В случае с Интернетом впервые в мировой истории такое

осмысление предшествовало «факту» — и заслуга постмодернизма здесь несомненна.

Новые реалии, порожденные Интернетом (информационный шок, виртуализация жизни, кризис традиционных ценностей и т. д.) во многом уже проанализированы постмодернистскими философами, отнюдь не считающими их симптомами фатального кризиса современной культуры. Скорее их можно трактовать как зарождение нового типа культуры, контуры которого вырисовываются все отчетливее. ЭТО и компактные формы передачи информации, с неизбежностью сопровождающиеся утратой части ее содержания и деформацией ее восприятия (популярность дайджестов, антологий, энциклопедий, видеороликов на YouTube и т. п.). ЭТО и появление нового типа личности — расщепление прежде единого и неделимого Я в условиях возможности конструирования с помощью компьютера альтернативных, игровых личностей, обретения текучего (Д. Хармс) сознания с незакрепленными устоями, с вариантами собственной биографии (современную молодежь уже называют *reset-generation*: это восприятие жизни по аналогии с компьютерными операциями — в любой момент нажал кнопку перезагрузки и начал заново, с новой историей и новой жизнью). ЭТО и порождаемые Интернетом новые — сетевые — формы человеческой активности (сетература, чаты etc.), логика которых не всегда совпадает с логикой социальных, культурных, политических и прочих институтов вне-сетевой реальности, и т. д. Компьютерные технологии так настойчиво и стремительно вторгаются во все сферы человеческого «жизненного мира», что — с учетом интенсивного развития биотехнологий — симбиоз «человек-компьютер» вполне может стать очередной стадией в эволюции человечества.

Многочисленные концепции «смертей», «закатов», «сумерек» и «концов», развиваемые философами на протяжении последних полутора веков, действительно констатируют окончание очередного этапа истории, а, значит, и присущего ему типа культуры. /Правда, идущую ему на смену «компьютерную» культуру иные авторы и культурой называют отказываются — в лучшем случае «посткультурой», или даже текстурой!/. Ведь современные информационные технологии в некотором смысле трансформируют природу знания — и на самом деле изменяют прежнее понимание культуры. Как известно, в одном из своих латинских значений культура есть нечто возделанное и возделывающее, организованное и организующее, т. е. построенное на авторитете и экспертизе, — и, по сути, недемократичное, как всякий канон. Она подразумевает устойчивую общую иерархию. Но в ризомном компьютерном пространстве иерархия может существовать лишь как временное

и локальное состояние. Постмодернистская борьба с иерархиями, утверждение равноправия всех позиций, стилей и ориентаций во всех сферах жизни человека и отсутствия каких бы то ни было заданных субъекту извне критериев выбора между ними действительно подрывают основы традиционного воспроизводства культурных образцов.

Возникает опасный разрыв между невероятными возможностями, которые Интернет открывает для человеческого самоутверждения и творчества, и уровнем самих людей, которые в массе своей не способны адекватно их использовать. В условиях безграничного плюрализма, постулирующего равнозначность всех видов знаний, норм и ценностей, от человека требуется делать осознанный выбор между ними, уметь складывать разрозненные «блипы» информации в ту или иную мозаичную картину реальности и выстраивать свои собственные иерархии. В информационном хаосе современного мира на это способна только высокоразвитая автономная личность. Но, например, в нашей стране развитие такой личности, способной на самостоятельную активность, самоутверждение, «самостоянье» (А.С. Пушкин), никогда не являлось приоритетом — скорее наоборот.

Будущее постмодернизма в России и в мире. Россия в начале нового тысячелетия ощутимо отстает от скорости происходящих перемен — во всяком случае, от темпов западной цивилизации, уже пережившей футуршок и существующей в пространстве, называемом некоторыми исследователями *after-postmodernism*. Архаические и модернистские элементы нашей социальной практики накладываются на постмодернистскую реальность в самых негативных ее проявлениях (неплохой перечень предлагает П.К. Гречко — «в виде катастрофы, лыкового плюрализма, этнократии, тоталитарного рынка, безнравственной морали и тому подобных вещей» [см. 2]). Конечно, и советские времена были просто царством симулякров (а если обращаться к более далекому прошлому, то их в изобилии порождала еще петровская европеизация России — сам Петербург может быть отнесен к таковым, а позже — многочисленные «потемкинские деревни» и т. п. [см., напр., 6]). Но сегодняшняя российская повседневность буквально наполнена постмодернистскими феноменами: смешение всего со всем (например, двуглавый орел, трехцветный флаг и «сталинский» гимн как политические символы одного государства), симулятивный шоу-бизнес (где пустых копий без оригинала — несть числа), тотальная ирония (стёб), мистифицированная реальность (когда демократия — не демократия, выборы — не выборы, теледебаты — не теледебаты, парламент — не парламент, литература (в лице, скажем, Дарьи Донцовой и т. п.) — не литература etc.etc. — примеры можно множить).

Иллюзорность и фиктивность современной российской действительности вызывает у массы людей настоящую тоску по подлинности, по твердой почве под ногами (у многих — и по «твердой руке»), по необходимым любому человеку, как воздух, истинным нормам, абсолютным ценностям и непоколебимым устоям. Но ни декларации на политическую злобу дня, ни бездумное обращение к уже готовым образцам, освященным тысячелетней практикой и все более санкционируемым властью, — религиозным ценностям — не в состоянии заменить длительную, кропотливую работу по переосмыслению нашего и мирового исторического опыта, заменить философскую рефлексию — все то, что на Западе было осуществлено в рамках постмодернизма.

Безусловно, постулируемая постмодернизмом равнозначность всех видов знаний и убеждений и свободы выбора между ними ставит человека перед нелегкой необходимостью самому принимать решения и брать на себя ответственность за свой выбор. Европейская философия (в лице экзистенциализма и т.п.) многократно анализировала ситуацию, когда люди, не выдерживая этого бремени, «бегут от свободы» под спасительную сень вечных ценностей, религиозных догматов, санкционированных властью принципов и т.п. Но торопливое возведение очередной единой теоретической вертикали, «параллельной» вертикали власти, не в состоянии заменить индивидуальный поиск нового смысла, собственную адаптацию к новому уровню сложности жизни, которые предполагаются постмодернизмом.

Очевидно, что в информационном постиндустриальном мире преимущество всегда будет иметь общество, где найдется достаточно личностей, способных к такого рода поиску. И не только в России — во всем мире складывание нового социокультурного пространства идет болезненно, противоречиво, с зигзагами и отступлениями. Западная цивилизация, с одной стороны вроде бы защищающая постмодернистские идеи личной свободы, толерантности к Иному, политкорректности и мультикультурализма, в то же время пытается так или иначе навязать свой алгоритм существования другим культурам и цивилизациям, сопротивление которых насильственному внедрению западных моделей принимает все более опасные формы (терроризм в XXI веке стал мировой проблемой). И Запад уже готов отказаться от приобретенных дорогой ценой ценностей свободы и плюрализма... Тем не менее одним из важных следствий постмодернистского философского дискурса стало осознание того, что Запад есть лишь элемент многоцветной общемировой мозаики, что его культура и его путь — отнюдь не вершина и не образец для плюралистичного человечества. Разумеется, не все представители американской и европейской властной элиты готовы

отказаться от своего привилегированного статуса в едином социокультурном и геополитическом пространстве. Но современный глобальный многополярный мир — и Интернет как его техническое воплощение и обеспечение — как нельзя более созвучны именно идеям децентрализации и толерантности в отношении альтернативных проектов социального развития.

Разумеется, надежды на то, что новые информационные технологии сами по себе способны обеспечить мирное сосуществование различных культур, религий и цивилизаций, иллюзорны. Интернет — всего лишь средство, инструмент, орудие, применение которого зависит от человеческой воли и выбора: он не должен стать подобием информационного тоталитаризма, где растворяется индивидуальное творчество, где люди «пропадают» в сетях Всемирной паутины. И постмодернизм всегда предостерегал от дегуманизирующего воздействия современных технологий, от диктата «техно-научного мира», в котором мы, по образному выражению Ж.-Ф. Лиотара, «подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы, всегда не того масштаба» [3].

Стало общим местом сравнение нашего времени с древним Римом эпохи упадка с его крушением всех верований и всех античных ценностей — и напоминание о том, что их место заняла единая вертикаль христианской культуры¹. Действительно, неизбежность возведения новой вертикали после кризисного переходного периода более или менее очевидна — но, пока отчетливого представления о будущем не сложилось, мы переживаем ситуацию неопределенности, ситуацию поиска, для которой постмодернистская вседозволяющая игра смыслов со всеми ее перегибами, перехлестами и «завиральными идеями» представляется самой оптимальной атмосферой.

Когда-то постмодернистская философия отчасти «бежала впереди паровоза», очерчивая контуры «слишком быстро наступающего будущего», помогая пережить «футуршок» (О. Тоффлер) от темпов изменений устаревающей на глазах «современности». Сейчас, когда предлагавшиеся постмодернизмом разработки являются повседневной реальностью не только на постиндустриальном Западе, революционный пафос его идей воспринимается вполне академически. Молодое поколение, живущее в постмодернизме, уже не замечает его — как не замечается воздух, которым мы дышим. Но философы снова предлагают заглянуть в будущее: современный вариант развития

---

¹ Да и следующая волна европейского скептицизма (Монтень и Эразм эпохи позднего Возрождения) завершилась построением буржуазно-просветительского порядка с его верой в единую рациональную истину (Декарт, Спиноза, Гегель) — не считая агностицизма Юма в XVIII веке.

постмодернизма — тот самый after-постмодернизм — изменяет некоторые его парадигмы. В частности, происходит некий возврат к так называемому «культурному классицизму» (М. Готдингер), что связано с «реанимацией «значения» (Дж. Уард), или «возвратом утраченных значений» (включая не только собственно знаковый, но и ценностный смысл слова «значение»!).

Происходит также переход от трактовки реальности как текста к ее трактовке как коммуникации (еще Ж. Бодрийяр определял современную культуру как «экстаз коммуникации» — что более чем понятно обладателям мобильных телефонов, любителям Скайпа, чатов и сайтов знакомств). Вместо констатированной в постмодернизме «смерти субъекта» ставится цель его «воскрешения» и обретения самоидентификации посредством Другого — через разнообразные коммуникации с иными Я¹. Сейчас постмодернизм пытается обрести «золотую середину» между крайностями эгоцентричного индивидуализма и тоталитарной коллективности — когда Я становится субъектом диалога и входит в сообщества, объединяемые любыми интересами (религиозными, этническими, экологическими, политическими, культурными и т. д.). Интернет в изобилии порождает такие сообщества с присущим им особым типом «коммуникативной рациональности» (Ю. Хабермас) и возможностью взаимопонимания и консенсуса, что также активно обсуждается постмодернистской философией. При этом, реализуясь в разных Интернет-сообществах и примеряя на себя разные «роли», человек вполне может оставаться самим собой, объединяя все свои «лики» на собственной личной страничке.

Конечно, какими будут конкретные организационные формы новой компьютерной культуры — дело будущего. Но постмодернизм как попытка создания нового концептуального пространства уже внес большой вклад в их обоснование и реализацию. Не случайно язык постмодернистской философии (такие понятия, как дискурс, симулякр, ризома, нарратив, интертекстуальность, деконструкция etc.) уже давно используется в самых разных сферах человеческой деятельности. Идеи постмодернизма стали новой модификацией вечных проблем бытия, поисками новых параметров человеческого существования, новых ответов на вечный вопрос, что есть Я в мире так стремительно изменяющихся идей, слов и вещей.

---

¹ Не сказать, чтобы это была очень свежая мысль: задолго до- и тем более after-постмодернизма К. Маркс красиво сформулировал, что «человек смотрится как в зеркало в другого человека» — не говоря уже о более поздней неклассической философии в лице экзистенциализма и идей диалогизма М. Бахтина и европейских теологов любого толка (от М. Бубера до П. Тиллиха и Р. Гвардини).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Новейшее Средневековье. Доктрина России в XXI веке. Доклад Института национальной стратегии, 24 февраля 2005 г.
- [2] Пелевин В.О. Диалектика Переходного Периода (из ниоткуда в никуда). Избр. произв. М., Эксмо, 2003, с. 281.
- [3] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., Добросвет, 2000, с. 8.
- [4] Гречко П.К. Философия постмодернизма. Интернет-портал «Российское образование». URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/8592>.
- [5] Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. М., Изд-во Р. Элинина, 2000.
- [6] Лиотар Ж.-Ф. Заметки о смыслах «пост». Иностранная литература, 1994, № 1. С. 58.

Статья поступила в редакцию 05.08.2013

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Догужиева М.М. Философия постмодернизма: опыт популярного изложения. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 4. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/phil/hidden/59.html>

Догужиева Марина Муратовна — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. e-mail: aniramd@list.ru